

Самый знаменитый натуралист России Николай Дроздов, начинавший полвека назад простым табунщиком, и сегодня - на коне. Отметив 60-летие, профессор решил сделать подарок всем любителям фауны - журнал «В мире животных - World of animals». И это - без отрыва от кафедры на биофаке МГУ и всенародно признанной телепередачи.

— Николай Николаевич, как коренные москвичи становятся натуралистами и путешественниками?

— Наблюдать за животными я начал еще ребенком. Это было просто, потому что мы жили в деревне. Отец работал в Институте коневодства в Успенском. Это теперь престижный район, а тогда была глухая провинция, добираться до Москвы приходилось 3-4 часа. Отец, будучи профессором химии, хорошо знал обитателей наших лесов, учил меня различать птиц по голосам, собирал со мной гербарии... Я вел дневник природы, причем еще до школы записывал туда не только русские, но и латинские названия животных. Мама была врачом и тоже приветствовала мое увлечение: мы держали дома даже черепах, считавшихся тогда верхом экзотики. Но главное, что рядом был конный завод, и отец водил меня туда для обучения верховой езде, а потом, на каникулы, устроил табунщиком... В общем, на биофак МГУ мне удалось поступить с первого раза, в 1953 году, несмотря на очень высокий конкурс.

— Могу предположить, что дело не только во влиянии родителей. Книги Сетона-Томпсона, Пришвина, Бианки в то время были, как сказали бы теперь, культовыми...

— Мне очень повезло, когда, переехав в 9-м классе в Москву, я сразу попал в кружок при Всероссийском обществе охраны природы — ВООП, располагавшийся в Дарвинском музее. О нашем руководителе Петре Петровиче Смолине стоит сказать особо. Не имея законченного высшего образования, он был феноменально эрудирован во всех областях биологии. Талантом Пэпэса, как мы его любовно называли, взлелеяны известные ученые: Алексей Владимирович Яблоков, Николай Николаевич Воронцов и многие другие. В кружке мы успели пообщаться с основателем Дарвинского музея профессором Котсом и его супругой Лодыгиной-Котс, очень известных своим «семейным экспериментом»: сразу после рождения сына взяли в дом новорожденного детеныша шимпанзе и растили их вместе.

— Это было почти полвека назад. А куда податься нынешним школьникам, увлекающимся изучением животных?

— В Москве есть три замечательных места: зоопарк, Дарвинский музей, бывший Дворец пионеров. Но хорошо бы посещать их не просто глазами, а с блокнотом, делать пометки, осмысливать увиденное. Кроме того, прочитанное тоже надо обрабатывать, делать выписки из книг, вырезки из журналов. Я встречал школьников, которые уже не только определились в принципе с биологическим направлением, но и сконцентрировались на какой-то группе животных, регионе или проблеме. Это уже сложившиеся специалисты.

— Самые яркие впечатления от экспедиции?

— Я, кажется, уже писал об этом в предисловии к русскому изданию книги Даррела «Золотые крыланы и розовые голуби»: «Сначала Бог создал Маврикий, а уж потом Рай, взяв Маврикий за образец». Но это не мое — цитата из Марка Твена. Я ведь достаточно узок в своих интересах: паучки, рептилии, птицы — да, а детали истории или культуры часто не запоминаются. Но у путешественников есть особенность, которую никогда не компенсируют ни радио, ни телевидение. Аромат только что упавшего с пальмы кокосового ореха... Сюда он доезжает, подкиснув, и не может сравниться с тем, который вскрываешь своим мачете и пьешь в тропический зной... Или, например, дурьян, известный отвратительным запахом и столь же восхитительным вкусом. Друзья пытались привозить эти плоды сюда, но бесполезно. То есть запах в пути даже усиливался, а вкус — пропадавал!

— Часто на пути ученого-натуралиста возникают какие-то политические барьеры?

— Обычно обходится без этого. Была одна история, которая, впрочем, закончилась даже комплиментом в мой адрес: «Дроздов и вправду животных знает!». Мы — в Сомали. На город наступают повстанцы. Все европейцы уже ретировались. Мы движемся к аэропорту и гадаем: успеем или нет? Сообщают, что повстанцы уже в пригороде. Сели в самолет и ждем: то ли попробовать взлететь, то ли сейчас на джипах с пулеметами примчатся этакие черные «чапаевцы». Все волнуются, а я спокоен. Один наш спрашивает: «Ты что это рассматриваешь?». А всего-то собака на поле лежит и зевает. Я говорю: «Она ведь колонну за несколько километров услышала бы, забеспокоилась. Значит, пока никого». Взлетели без приключений.

— Какую страну, на ваш взгляд, можно взять за образец отношения к животным?

— Пожалуй, Англию — все настолько взвешено и продумано!.. Вы знаете, что собаки там практически не лают? То есть хозяева понимают, что их питомцы могут кого-то побеспокоить, и приучают собак к молчанию. Сторожевые и охотничьи, конечно, подают голос, но только по делу. Англичане понимают заботу о животных так, что «меньшие братья» не должны создавать неудобств окружающим, и тогда у них не будет недоброжелателей... Но и в менее развитых странах есть примеры чуткого отношения к животным, правда, из других, суеверных побуждений. В Индии обезьяну, пытающуюся украсть что-нибудь на базаре, можно отпугнуть только криком! А особенно поразил меня такой случай. В ста километрах от города Майсора, где мы снимали фильм «Рикки-Тики-Тави», в охотничьем лесу магараджи как-то увидели, что вдоль дороги идет множество макак. В разном темпе, группами, поодиночке, но — в одном направлении, в сторону города. Местные коллеги объяснили нам, что в городе их развелось слишком много, вот и приходится отлавливать, сажать в зарешеченную машину и вывозить подальше в джунгли. Там они побродят день-другой и, не найдя привычной легкодоступной пищи, отправляются обратно в город. Их опять ловят и везут в лес...

— Слыша, что в США за возможность понаблюдать за животными платят большие деньги...

— Да, и полно желающих. В Небраске я недавно попал в долину реки Прайт, через которую мигрируют канадские журавли. Перед отлетом к местам гнездовий здесь собираются птицы со всего юга США, из Мексики. Около полумиллиона журавлей. Но просто так пойти на речку погладить на это не удастся. Это ведь и вправду эксклюзивное удовольствие. Надо заплатить 20-30 долларов, чтобы попасть в специальную группу, которую проводник рассадит в подготовленные скрадки. Ни курить, ни снимать со вспышкой нельзя. Скрадки

И много-много диких обезьян

эти двухэтажные, и то не всегда всех желающих вмещают. Фонд охраны журавлей каждый год объявляет прием добровольцев для помощи в разведении и изучении этих птиц. Набирают по 100-200 человек, но кандидатов, готовых потратить отпуск на эту бесплатную работу, гораздо больше, несколько человек на место, от старшеклассников до пенсионеров...

— Наши любители природы как-то меняются? Что пишут в вашу передачу?

— Хочу надеяться, что многолетнее существование передачи не прошло бесследно. Раньше приходило очень много писем, скажем мягко, неинтересных («покажите ту или иную зверушку») и даже неприятных («...расскажите, чем кормить обезьянку...»). Это значит, что люди сначала завели животное, а потом уже стали интересоваться, как его содержать. Причем не могут даже книжку почитать, пусть им по телевизору расскажут! Сейчас все чаще присылают рассказы, фотографии, рисунки — порой просто замечательные. Это, кстати, одна из причин, подвигнувших меня на создание журнала «В мире животных». А бываю письма — призывы о помощи. Мы, увы, бессильны помочь там, где не справляются государственные природоохранные структуры, но пытаемся хотя бы информировать об этом. Вот недавно в критическом положении оказался московский дельфинарий — не было средств на аренду помещения, но благодаря тому, что наша передача забила тревогу, откликнулись спонсоры.

— У вашего нового проекта двойное, русско-английское название. Почему?

— Во-первых, журнал «В мире животных» уже был — его готовили коллеги с РТР. Во-вторых, наш журнал ни в коем случае не двойник передачи. Главное в нем все-таки — информация. В журнале будет и то, что «не помещается» в передаче, — например, «проблемные» материалы: сможет ли человек вывести новые виды, знакомы ли животным наши чувства и не стоит ли нам у них кое-чему поучиться, применимы ли законы, открытые в природе, для общества? С другой стороны, здесь есть и сугубо практический раздел: как опознать птицу, прилетевшую на ваше окошко, прочесть следы на снегу, как содержать заморскую рептилию или сибирскую кошку. В передаче так подробно обо всем не расскажешь... Будут новые для российского читателя произведения моих друзей — Джеральда Даррела, Жака-Ива Кусто, Бернгарда Гржимека. Их, увы, уже нет с нами, но, продолжая переводить их книги, мы, пожалуй, делаем самое лучшее для сохранения памяти о них. Рассказывать о журнале как о новом и интересном для меня деле я готов бесконечно. Мы создаем для подписчиков клуб, который поможет получить специальную литературу, поучаствовать в биологических экскурсиях и экспедициях, даже экипироваться для полевых работ — всем от гербарной сетки до микроскопа.

Кстати, хочу воспользоваться случаем и обратиться к читателям «Вечерки»: мы ведь не рассчитываем на помощь спонсоров или доходы от рекламы, поэтому наша главная надежда — любители природы, готовые подписаться на наш журнал для себя и детей. Специально для москвичей мы организовали раздачу «ознакомительного» номера журнала в кассах зоопарка. Здесь же до 20 декабря можно оформить льготную подписку. Так что приглашаю всех в зоопарк — это сейчас без преувеличения красивейшее место столицы.

Ярослав ЛЕБЕДЕВ